

ЛЕГИТИМНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Евгений БЛИНОВ,

*соискатель кафедры региональной политики и публичного администрирования Одесского
регионального института государственного управления Национальной академии государ-
ственного управления при Президенте Украины, первый заместитель главного редактора
газеты «Одесские известия»*

SUMMARY

In the present article, the essence of political technologies is revealed, as well as their functions and classifications are described. Illegitimate political technologies are investigated (for example, in Ukraine, Russia, Moldova), and their manipulative nature is determined. Recommendations for public authorities on the mechanism of legitimizing the sphere of political technologies are developed.

Key words: public policy; political technologies; democratic values; consensus.

Политические технологии представляют собой совокупность методов и систем последовательных действий, направленных на достижение необходимого политического результата [7].

Сфера использования и функции таких технологий, являющихся неотъемлемой частью политического процесса, очень разнообразны.

Существует и проблема политических технологий, характерная как для стран с глубокими традициями демократии, так и для государств, недавно ступивших на путь построения демократического общества. Речь идет о технологиях, которые носят манипулятивный характер.

Этой проблематике посвящены работы Н. Головатого, Д. Выдрины, А. Дмитренко, Ю. Ирхина, А. Клименко, Л. Кочубей, Дж. Г. Себайна, С. Тучкова. Так, Ю. Ирхин и А. Клименко дают классификацию и типизацию политических технологий, выделяя в числе прочих технологии политического влияния и манипулирования [4; 5]. Н. Головатый, исследуя масштабы влияния на общество, акцентирует внимание на базовых и второстепенных технологиях, а Дж. Г. Себайн – на общих и индивидуальных [2; 8]. Об основных признаках манипулирования общественным мнением пишет А. Дмитренко [3]. Характеризуя технологии манипулирования, Д. Выдрин использует термин «политические антитехнологии» [1]. В свою очередь, Л. Ко-

чубей приводит конкретные примеры таких технологий, применяемых в современных условиях [6]. Представляет интерес работа С. Тучкова, в которой он выделяет технологии легальные, которые не нарушают закон, и легитимные, которые, являясь легальными, не используют манипуляции [9]. Возникает вопрос необходимости государственного регулирования сферы политических технологий, и прежде всего ограничения применения нелегитимных, аморальных технологий, подрывающих демократические принципы развития общества. Однако авторы не предлагают конкретных мер такого регулирования. Поэтому целью данной статьи является поиск механизмов государственной политики, направленной на приведение сферы политических технологий в соответствие с демократическими стандартами.

Суть политических технологий раскрывается в объединении нескольких аспектов:

- 1) когнитивного (политические технологии как сфера знания о способах и процедурах оптимизации политической жизни социума);
- 2) социального (политические технологии как особый тип социальных технологий, реализованный в сфере политики);
- 3) деятельностного (политические технологии как способ осуществления политической деятельности на основе принципов рационально-

го членения на процедуры и операции выбора оптимальных средств, методов их исполнения);

4) управленческого (политические технологии как способы и методы управления в политике, в том числе в государственном управлении);

5) властного (политические технологии как инструменты осуществления власти и борьбы за власть);

б) информационно-коммуникативного (политические технологии как механизмы управления информационными процессами в политике и носители политической информации) [5].

С точки зрения исполняемых функций политические технологии необходимо разделить на три группы:

- технологии политической деятельности (технологии власти, политического управления, государственного управления, принятия политических решений, политического лидерства, политического конструирования, политических конфликтов, политических реформ, антикризисные технологии, технологии тоталитарного правления, демократии, защиты прав человека);

- технологии политического анализа (технологии политических исследований, политического прогнозирования, политического планирования, политического моделирования, анализа политических рисков);

- технологии политических коммуникаций (PR-технологии, избирательные технологии, технологии политической рекламы, политического влияния и манипулирования, формирования политического имиджа, международных политических коммуникаций) [4].

Приведем и другую классификацию. В зависимости от политического режима, политические технологии могут быть демократическими и недемократическими. По степени воздействия их можно разделить на базовые и второстепенные. К базовым относятся технологии, применяемые в расчете на большие группы или все население страны – опросы общественного мнения, референдумы, выборы. Второстепенными можно назвать технологии разработки и принятия политических решений, проведение отдельных политических акций (собраний, митингов и т.д.) [2].

Также политические технологии подразделяются на общие, которые касаются интересов многих субъектов политического процесса, и индивидуальные, присущие отдельным субъектам политики. Среди первых самые распространенные – технологии завоевания и удержания

власти. Сюда относится и избирательный процесс как комплекс специальных технологий. Индивидуальные технологии используют отдельные политики в процессе своей политической деятельности. Они связаны с завоеванием популярности, умением контактировать с гражданами (избирателями, членами определенной партии, объединения и т.д.), мастерством дискутировать, произносить речи, вести митинги, собрания, усовершенствовать свой имидж и т.д. [8].

Можно сделать вывод, что политические технологии, являясь частью политического процесса, охватывают практически все стороны публичной организации современного государства.

Анализ истории государств, образовавшихся из бывших республик Советского Союза, позволяет сделать вывод о философии власти как самоцели для элит новообразованных стран. Это привело к многочисленным конфликтам, определенную роль в развитии которых сыграло и использование политических технологий. Речь идет об избирательных технологиях, которые зачастую применялись вместе с технологиями манипулирования. Так, манипулирование общественным мнением содержит несколько важных психологических моментов:

- внушение согражданам под видом объективной информации определенных понятий, выгодных определенным политическим группам;
- влияние на болевые точки общественного сознания, которые пробуждают страх, тревогу, ненависть;

- реализация определенных замыслов, как правило, тайных, достижение которых политический актер связывает с общественным мнением и своей позицией. Практически основным каналом такой манипуляции являются средства массовой информации [3].

Подобные действия характерны для политического процесса Украины. После подписания новых соглашений о поставках российского газа в 2009 году Премьер-министр Юлия Тимошенко заявила, что Украина будет платить за импортный энергонеситель меньше, чем многие европейские потребители. Однако представители Президента и парламентской оппозиции представили противоположные данные. Подобная дискуссия, в которой стороны оперируют абсолютно разными статистическими данными, продолжается до сих пор в эфире крупнейших укра-

инских телекомпаний (Первого национального канала, ТК «Интер», ICTV). Очевидно, что разные точки зрения не способствуют консолидации общества.

Манипуляции соответствующего характера отмечены и на региональном уровне. Так, в начале апреля 2011 года интернет-издания сообщали, что предложение депутата Одесского горсовета Григория Кваснюка об обращении в Кабинет Министров Украины с требованием не допускать расходования средств на героизацию нацистских пособников не было поддержано из-за наличия в тексте проекта многочисленных орфографических и стилистических ошибок, якобы допущенных именно Кваснюком. Однако депутат горсовета Алексей Косьмин заявил, что Г. Кваснюк являлся не автором текста, а лишь докладчиком по данному вопросу, исправление же неточностей – обычная практика.

Для агитационного периода избирательной кампании характерны, среди прочих, такие технологии, как технология слухов, война социологических рейтингов, формирование образа врага, введение политических «двойников» [6]. В качестве примера можно привести случай периода «оранжевой революции» в Украине, когда среди митингующих распространился слух, подхваченный интернет-ресурсами и некоторыми электронными СМИ, о прибытии в Киев бойцов российского спецназа для разгона демонстрации. Тогдашний посол Российской Федерации в Украине Виктор Черномырдин вынужден был публично комментировать эту несправедливую информацию. В результате такой манипуляции отношения между двумя странами ухудшились.

Тогда же разразился громкий скандал с участием социологических компаний. Четыре компании, с целью придания максимальной прозрачности своим исследованиям, создали специальный пул по проведению экзит-поллов (опросов граждан после голосования) после второго тура президентских выборов 2004 года. Однако данные двух компаний из этого пула резко, в пределах десяти процентов, отличались от итогов опроса, проведенного их коллегами. Посыпались обвинения в заангажированности и политической коррупции. В конце концов, именно результаты экзит-поллов и стали основным поводом для обвинений властей в фальсификации выборов и начала массовых протестов в Украине.

Регистрация политических «двойников» нашла широкое применение в постсоветских стра-

нах. Здесь следует различать два типа манипуляции. Первый – схожесть фамилий и имен кандидатов, названий политических сил.

Так, в первом туре выборов депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в 1998 году было зарегистрировано несколько однофамильцев. Двумя годами позже на выборах в Орджоникидзевском избирательном округе Свердловской области Российской Федерации после регистрации местного милицкого руководителя Н. Овчинникова в список был внесен некто В. Овчинников, который, находясь в бюллетене выше однофамильца, набрал 5 процентов голосов. На выборах в Киевский городской совет в 2008 году появился «клон» Блока Юлии Тимошенко, исключенный из списков по решению суда. Четырнадцатью годами раньше самой Юлии Владимировне пришлось состязаться на выборах с некоей Юлией Тимошенко, зарегистрированной в одном с ней округе. «Двойники» в свое время были и у таких украинских политиков, как Александр Мороз, Тарас Стецькив, Тарас Черновол и др. Цель у подобных действий одна – запутав избирателей, распылить их голоса между копируемым политиком и его «двойником», тем самым дав возможность получить больше голосов его политическим оппонентам.

Второй тип манипуляции – появление не фактических, а политических «двойников». Например, в 2004 году кандидата в Президенты Украины В. Ющенко неожиданно поддержал крайний националист Р. Козак. Таким образом, Ющенко попытались поставить на одну доску с радикальными политическими силами и подорвать доверие к нему у избирателей-центристов.

Что касается формирования образа врага, то эта политическая технология до сих пор популярна в избирательных кампаниях на постсоветском пространстве. Летом – осенью 1999 года подконтрольные российским властям центральные телеканалы устроили информационную войну против оппозиционной власти блока «Отечество – вся Россия», одним из руководителей которого был мэр Москвы Юрий Лужков. Кремлевские политтехнологи дали блоку язвительное прозвище «Партия Садового кольца», недвусмысленно намекающее на отсутствие у объединения поддержки в регионах. В 2010 году ситуация повторилась, только на сей раз объектом информационной атаки стал лидер Белоруссии Александр Лукашенко. Вообще некая апокалиптическая предвыборная заявления политиков

России, Украины и ряда других стран стала давно привычным делом. Умело нагнетаемая истерия страха по принципу «Голосуй или проиграешь» приводит к расслоению общества, усилению нетерпимости.

Не обошли технологии манипулирования и Республику Молдова во время парламентских выборов 2009 года. Недоверие и открытая политическая вражда между оппонентами свидетельствовали, что кризиса не избежать. Стало ясно, что оппозиционные партии в любом случае не смиряются с поражением. Когда ЦИК объявила, что Партия коммунистов Республики Молдова набрала чуть меньше 50 процентов голосов избирателей, в столице страны начались массовые протесты оппозиционно настроенной молодежи. Звучали радикальные антикоммунистические лозунги. В результате ситуация вышла из-под контроля, протестующие захватили здания Президентуры и Парламента. Таким образом, избирательные технологии уступили место технологиям политических конфликтов. Резко ухудшились отношения с Румынией. В стране были объявлены новые выборы, в результате которых ПКРМ потеряла большинство в Парламенте.

Однако опасность политической технологии «формирование образа врага» выходит за рамки предвыборного периода. В России, Молдове, Таджикистане, Армении, Азербайджане в 90-х годах произошли вооруженные конфликты, связанные с перераспределением власти и на межэтнической почве. Во всех случаях началось с резких публичных политических заявлений.

Вышеизложенное доказывает, что ряд избирательных политических технологий манипулятивного характера, во-первых, имеет целью получение властных полномочий, во-вторых, может перерасти в технологии политического конфликта с непредсказуемым результатом.

Для того, чтобы предложить действенный механизм государственной политики в этой сфере, необходимо выделить объекты воздействия. Очевидно, что ряд технологий политической деятельности и политических коммуникаций могут успешно регулироваться с помощью права, а ряд – нет. В частности, избирательные технологии ограничиваются законодательством о выборах, о рекламе, об общественных объединениях и т.д. Однако манипуляции общественным сознанием не подлежат уголовному и прочему преследованию. Поэтому следует вести речь о легальности и легитимности политических тех-

нологий. Легальными следует признать те технологии, которые соответствуют действующему законодательству. К легитимным относятся такие технологии, которые соответствуют не только букве закона, но и установкам общественной морали. В большинстве случаев использования политических технологий определяются лишь общие рамки и принципы этой деятельности, а деятельность политических актеров, оказывающих решающее воздействие на политический процесс, остается за рамками законодательного поля. Использование внутренних противоречий демократии в ущерб общественным и государственным интересам и есть универсальный критерий определения легитимности политических технологий [9]. Нелегитимными политическими технологиями по своей сути являются анитехнологии, закладывая мину под весь политикотехнологический механизм. В отличие от подлинных технологий, как систем, способов, путей последовательного достижения желаемого результата, анитехнологии направлены на достижение ближайшего результата при игнорировании общих и долговременных последствий принимаемых решений [1].

Нелегитимные политические технологии, во-первых, манипулируют общественным сознанием, вызывая антигражданские настроения, во-вторых, вызывают у людей неверие в нормы морали демократического общества, которые всячески нарушают политики, вещающие как раз о необходимости торжества демократии.

Стабильное развитие есть необходимое условие существования демократического государства. Поэтому государство должно предложить косвенные методы воздействия на сферу политических технологий, дабы придать ей исключительно легитимный характер.

Таковыми методами могли бы стать политические соглашения, или консенсус по вопросам применения политических технологий. Консенсус – один из главных принципов существования и развития демократического общества и всего послевоенного устройства мира. Как известно, принцип согласия был заложен в основу работы Совета Безопасности ООН и законодательного органа Европейского Союза – Европейского Парламента.

Вопрос политического согласия актуален и для ряда новых независимых государств, в частности, для Украины и Молдовы. В этих двух странах отмечается сильное противостояние влиятельных политических сил, что приводит к кон-

фликтам во время выборов. Причина – разное видение этими группами внутренней и внешней политики. В связи с тем, что обе страны выбрали путь демократии и европейских ценностей, то ни о каком административно-силовом навязывании своей воли оппонентам и их сторонникам не может быть и речи. Все разногласия необходимо решать при помощи консенсуса, что будет способствовать устранению синдрома недоверия в обществе и легитимизации власти. Этот процесс можно синхронизировать с новой государственной политикой – составлением по инициативе власти соглашения между ведущими политическими акторами о недопустимости использования манипулятивных политических технологий. В дальнейшем для контроля его исполнения может быть создан специальный общественный совет с приглашением экспертов ЕС, ПАСЕ и других авторитетных международных организаций.

Вторая рекомендация – подписание политического соглашения и принятие соответствующего законодательного акта о максимальной прозрачности финансовых ресурсов политических сил и общественных организаций. В качестве меры контроля можно обязать эти субъекты проходить финансовый аудит со стороны независимых иностранных компаний. Это позволит минимизировать вмешательство внешних

сил в общественную жизнь страны, что, соответственно, уменьшит опасность использования нелегитимных политических технологий.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, политические технологии, как часть политического процесса, охватывают все стороны публичной жизни современного государства.

Во-вторых, для стран с развивающейся демократией (Украина, Молдова, Россия и др.) характерно использование технологий манипулирования общественным сознанием, тесно связанных с избирательными технологиями.

В-третьих, манипулятивные технологии являются легальными по сути, то есть не выходящими за рамки правового поля, и нелегитимными по содержанию, то есть нарушающими нормы общественной морали, что приводит к подрыву легитимности власти.

В-четвертых, необходима четкая государственная политика по пресечению использования нелегитимных технологий, которая будет заключаться в инициировании и подписании политического соглашения – консенсуса между ведущими политическими силами о недопустимости применения подобных технологий и разработке на его основе ряда дополнительных правовых актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выдрин Д. Политика: История, технология, экзистенция / Д. Выдрин. – К.: Лыбидь, 2001. – 425 с.
2. Головатий М. Ф. Політичні технології: Механізм і мистецтво здобуття політичної влади / М. Ф. Головатий. // PR в органах державної влади та місцевого самоврядування: Монографія [за заг. ред. В. М. Бебика, С. В. Куніцина]. – К.: Сімферополь: МАУП, 2003. – С. 25 – 41.
3. Дмитренко О. PR як управління громадською думкою / О. Дмитренко. // Політологічний вісник. – 2007. – № 29. – С. 180 – 190.
4. Ирхин Ю. В. Взаимосвязь политики, морали и права. / Ю. В. Ирхин. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 1999. – № 1. – С. 7 – 15.
5. Клименко О. О. Сутність та основні види політичних технологій // О. О. Клименко. // Гілея: науковий вісник: зб. наук. праць. – К.: 2011. – Вип. 43. – Режим доступу: <http://www.gileya.org.ua/index.php?ng=librart&cont=long&id=59>
6. Кочубей Л. Виборчі технології як механізм досягнення результату // Л. Кочубей. // Людина і політика. – 2003. – № 4. – С. 56 – 62.
7. Політологічний енциклопедичний словник / Упорядник В. П. Горбатенко [за ред. Ю. С. Шемшученка, В. Д. Бабкіна, В. П. Горбатенка]. – 2-е вид., доп. і перероб. – К.: Генеза, 2004. – 736 с.
8. Себайн Дж. Г. Історія політичної думки / Дж. Г. Себайн, Т. Л. Торсон. – К.: Основи, 1997. – В38 с.
9. Тучков С. М. Факторы легитимности политических технологий / С. М. Тучков. // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. – 2002. – № 2. – С. 8 – 15.

Поступил: 6 мая 2011 года.

E-mail: erudit75@rambler.ru